

Д. и. н., профессор
В.Д. Дзидзоев

Историко-правовые проблемы народов Северного Кавказа в начале XXI века

(анализ историографии)

В.Д. Дзидзоев

В Москве в издательстве «Новое литературное обозрение» вышла книга ведущего научного сотрудника Института этнологии и антропологии РАН, доктора исторических наук В.А. Шнирельмана «Быть аланами: интеллектуалы и политики на Северном Кавказе в XX веке» [1]. Она посвящена сложной проблеме – идентичности народов Северного Кавказа в контексте бурных этнополитических процессов в течение последних 100 лет. Особое внимание уделено автором причинам и характеру межнациональных проблем, которые кое-где переросли в этнополитические конфликты и войны. В монографии использовано большое количество научных и псевдонаучных трудов московских и местных авторов. Учитывая особую важность затрагиваемой темы, я счел необходимым высказаться по целому ряду вопросов, которые, на мой взгляд, получили в монографии весьма тенденциозное освещение, а иногда явно ошибочное толкование. Другими словами, автор с легкостью, даже безответственностью, «бросает камни в огород» осетин и Осетии, что, конечно же, не делает чести ведущему научному сотруднику головного института. Чтобы не быть голословным, приведу несколько характерных примеров. В.А. Шнирельман пишет на с. 100 о передаче в 1944 г. «ряда бывших балкарских районов Грузии и Северной Осетии» [1, с. 100]. Переданные распоряжением центральной советской власти в состав Грузии (а именно Сванетии) высокогорные территории Балкарии после выселения балкарцев в 1944 г. зафиксированы в документах, и они известны историкам. Однако какие «балкарские районы» были переданы Северной Осетии, автор не поясняет, а документами такое утверждение не подкрепляется. Тем не менее автор на с. 429 эту фальшивку снова повторяет [1, с. 429]. «Некоторые бывшие районы Балкарии были переданы Северо-Осетинской АССР и Грузинской ССР. В районах традиционного обитания карачаевцев и балкарцев началось варварское уничтожение мечетей, мавзолеев и надгробий, средневековых крепостей и замков». Удивительно при этом то, что автор в подтверждение сказанного

не приводит убедительных фактов и документов.

В многолетнем противостоянии Грузии и Южной Осетии симпатии В.А. Шнирельмана явно на стороне грузин, что он и не скрывает, заявляя, что «20 апреля 1922 г. в центре Северной Грузии была создана Юго-Осетинская автономная область» [1, с. 59]. Называя исконную территорию проживания южных осетин «центром Северной Грузии», московский ученый явно намекает на то, что осетины хоть и получили автономию, но не на своей исконной территории, а на землях Грузии. Именно в таких выводах историков нуждался З. Гамсахурдиа, учинивший в начале 90-х годов XX в. геноцид южных осетин и абхазов. Такие «научные открытия» очень популярны и у нынешнего руководства Грузии, которое с помощью заокеанских «новых братьев» хочет силой оружия подчинить себе Южную Осетию и Абхазию. Все это, надо полагать, В.А. Шнирельман хорошо понимает. Он знает, кому адресованы его слова, и зримо представляет их общественное воздействие в Осетии и в Грузии. Три года назад он сам писал о трагедии межнациональных войн в Закавказье, о большой негативной роли псевдонаучных исторических сочинений. Он тогда выражал надежду, что трагедия межнациональных войн «сможет научить историков с большей ответственностью относиться к предмету своих штудий, а политикам покажет опасность безоглядного некритического оперирования историческими материалами» [2, с. 89]. Судя по всему, В.А. Шнирельман не очень-то следует своим же рекомендациям относительно большей ответственности «своих штудий», иначе бы он был осторожнее и сдержаннее в критике осетинского историка, профессора Г.А. Кокиева, который «пытался обосновать исконные права южных осетин на земли Шида Картли (Южной Осетии. – В.Дз.)» [1, с. 89]. Как видим, В.А. Шнирельман упорно не желает называть Южную Осетию таковой и, как верный апологет грузинского шовинизма, называет ее то «центром Северной Грузии», то «Шида Картли». При этом необходимо обратить особое внимание на многие противоречия автора рецензиру-

емой монографии. Так, например, он пишет о том, что в 1842 г. на севере Тифлисской губернии был образован Осетинский округ, в который входили «южные осетины, и, как показал Ю.С. Гаглойти, термин «Южная Осетия» широко использовался в официальных документах, массовой печати и даже грузинской историографии второй половины XIX–начала XX в.» [1, с. 75]. Из этого тезиса явствует, что В.А. Шнирельман полностью разделяет справедливый во всех отношениях вывод о том, что в Осетинском округе Тифлисской губернии жили южные осетины, а термин «Южная Осетия» широко использовался уже в XIX в. даже в грузинской историографии. Однако исследователь противоречит сам себе, когда утверждает, что в 1922 г. «в центре Северной Грузии была создана Юго-Осетинская автономная область». Почему видный московский историк начал путать Северную Грузию с Южной Осетией? По незнанию истории и географии или по другим мотивам? Он ведь прекрасно понимает, что автономия на чужой территории для любого народа дается не просто так, и южные осетины не исключение. Южные осетины, испытавшие на себе настоящий геноцид в 1920 году и потерявшие десятки тысяч своих сыновей в неравной борьбе за свои политические и национальные права, действительно получили в 1922 г. автономии на своей исконной территории проживания – в Южной Осетии, которая тогда входила в состав Грузинской ССР. Точно так же северные осетины, ингуши, чеченцы, дагестанцы и другие нерусские народы огромной многонациональной страны получили автономию на исконной территории своего проживания, которая входила в состав РСФСР. В.А. Шнирельман все это хорошо знает, даже приводит аргументы, которые подтверждают сказанное, но тем не менее занимается передрогиванием фактов, софистикой и откровенной околонучной демагогией, вводя неосведомленного российского читателя в заблуждение. К противоречиям В.А. Шнирельмана можно отнести и следующие оценки творчества профессора Г.А. Кокиева, о котором он пишет: «Хотя в самой Северной Осетии Кокиева воспринимали как подающего большие надежды «серьезного исследователя родной старины», независимая исследовательница оценила его книгу весьма невысоко. Будучи удивлена почти полным отсутствием у автора (у Г.А. Кокиева. – **В.Дз.**) интереса к архивным данным, она увидела в его книге достаточно тенденциозную компиляцию, отвечающую «осетинскому духу» своего автора» [1, с. 89]. Здесь Шнирельман ссылается на рецензию Е.Г. Пчелиной на книгу Г.А. Кокиева «Очерки по истории Осетии» (Часть I. Владикавказ, 1926) и как бы соглашается с ее оценкой. Однако на той же странице в сноске он поясняет: «Между тем именно в 1927–1928 гг. Кокиев проделал огромную работу, обнаружив в архивах Москвы и Ленинграда множество неизвестных материалов по

истории Северного Кавказа» [1, с. 89]. Здесь, как видим, опытный исследователь и соглашается с мнением Пчелиной, и поправляет ее. Возникают закономерные – лежащие на поверхности – вопросы: была ли действительно тенденциозная компиляция, отвечающая «осетинскому духу» Кокиева? Соответствовал ли осетинский ученый образ «серьезного исследователя родной старины» или нет? Дала ли «независимая исследовательница» объективную оценку труду Кокиева или в ней преобладали субъективность, предвзятость, эмоции, как это часто бывает? На эти вопросы, которые непременно возникнут у каждого вдумчивого читателя книги В.А. Шнирельмана, ответов нет. Вместо них там есть недостойный намек на то, что Кокиев подавал большие надежды лишь в Северной Осетии, дальше которой он будто бы ничего особенного и не стоил. В то же время, забыв о своей явно заниженной оценке Кокиева, далее Шнирельман, со ссылкой на известного кабардинского историка, профессора У.А. Улигова пишет: «Научная реабилитация Кокиева произошла лишь в середине 60-х годов, когда его большие научные заслуги начали открыто признаваться как в Кабардино-Балкарии, так и в Северной Осетии» [1, с. 103].

Откровенно мифическим и провокационным является априорное утверждение В.А. Шнирельмана, что в 1944 г. «у осетин имелись основания опасаться той же участи», что ингуши и чеченцы, т.е., по его мнению, осетины боялись выселения из Северной Осетии и поэтому они «с удовлетворением встретили постановление ЦК ВКП(б), резко осудившее оперу В. Мурадели («Великая дружба», где речь шла о событиях времен гражданской войны на Северном Кавказе, и где осетины и грузины изображались контрреволюционными элементами, находящимися во вражде с русскими. – **В.Дз.**), реабилитировавшее грузин и осетин и вместо этого объявлявшее, что в годы Гражданской войны помехой для дружбы народов на Северном Кавказе были ингуши и чеченцы» [1, с. 102]. Здесь также возникает множество вопросов, на которые В.А. Шнирельман не дает ответов. Так, например, из чего явствует, что «у осетин имелись основания опасаться участи ингушей и чеченцев»? Такие серьезные предположения, конечно же, должны документироваться, чего он не делает. А не делает потому, на мой взгляд, что этих документов в природе не существует. Почему в таком случае опытный исследователь занимается софистикой и мифотворчеством? По незнанию элементарных правил научно-исследовательской работы, по ангажированности или случайно? Здесь есть над чем серьезно подумать. Также не ясно, почему из общей массы советских народов Шнирельманом выделяются осетины. Разве он может назвать хоть один народ в Советском Союзе, который бы без «удовлетворения» встретил какое-либо постановление ЦК ВКП(б)? Нет, конечно же! А зачем тогда

писать о том, что «осетины с удовлетворением встретили постановление ЦК ВКП(б)»? Можно подумать, что Шнирельман или кто-либо другой провел среди осетин специальный социологический опрос, результаты которого позволили автору сформулировать такой «научно обоснованный» шокирующий вывод.

Еще одна странная методика исследования Шнирельмана, на мой взгляд, состоит в том, что ссылаясь на «осетинских исследователей» или «интеллектуалов Осетии», он, как правило, опирается на труды бывших партийно-советских руководителей Осетии. Надо ли доказывать, что они, при всех заслугах, все-таки не были учеными-историками, не занимались основательно научно-исследовательской работой? Поэтому к их «историческим работам», на мой взгляд, следует относиться более снисходительно, чем это делает автор рецензируемой монографии. Так, например, отмечая с нескрываемым восторгом, что «осетины с удовлетворением встретили постановление ЦК ВКП(б)», он далее, в доказательство своей мифической версии, приводит статью председателя Совета Министров СОАССР А.П. Газзаева на страницах «Правды» [3, с. 3], где тот протестовал против отнесения грузин и осетин к «контрреволюционным народам». Шнирельман удивляет то, что Газзаев обвинил депортированных чеченцев и ингушей в том, что они боролись с советской властью в годы гражданской войны на Северном Кавказе. Конечно, огульные обвинения «в контрреволюции», тем более целых народов, у которых, как у всех, были и «белые», и «красные», и «нейтральные», никому не делает чести. Для меня это аксиома. Ученый-историк, конечно же, должен с большей ответственностью относиться к своему печатному слову, предположению, выводу, концепции и т.д. А это означает, что необходимо, кроме всего остального, понимать сложность и противоречивость времени, политических и иных обстоятельств, при которых тот или иной государственный или партийный функционер сказал то, что мы сегодня анализируем. Не оправдывая А.П. Газзаева, хочу еще раз напомнить, что в 1949 г., когда он выступил в газете «Правда», депортированные народы необоснованно критиковались всеми партийными и советскими чиновниками. Исключений здесь не было. И если современный исследователь в своих «штудиях» не будет это учитывать, то очень навредит делу восстановления исторической истины. А когда жареные факты, исторические мифы и всевозможные обывательские слухи выдаются за истину в последней инстанции, тогда проблема этнополитической стабильности на Северном Кавказе в очередной раз откладывается на неопределенный срок. Именно этому способствуют, на мой взгляд, мифы, изложенные в объемной монографии Шнирельмана, который со ссылкой на чеченского исследователя-филолога Ю.Д. Дешериева пишет о том, что в антиингушском и

античеченском духе «в Северной Осетии тогда (в 1944–1957 гг., когда чеченцы и ингуши находились в ссылке. – **В.Дз.**) защищались диссертации, авторы которых иной раз называли чеченцев и ингушей «бандитскими народностями» [1, с. 103]. При этом, как всегда, не приводятся конкретные примеры, фамилии, имена авторов этих диссертаций. Кроме того, известно, что «в Северной Осетии тогда», т.е. в 1944–1957 гг., не функционировали диссертационные советы по гуманитарным наукам. Наконец, логика автору вовсе отказывает, когда он касается осетино-ингушских отношений в XX веке. Так, например, он пишет, что в 1990 г. у осетин «вновь обострились взаимоотношения с ингушами, которые и ранее не отличались стабильностью. Начиная с 1987–1988 гг. ингуши все настойчивее требовали вернуть им Пригородный район (Северной Осетии. – **В.Дз.**). С 1989 года это стало лозунгом ингушского национального движения «Нийсхо» (Справедливость), который поддерживали народные депутаты ВС СССР от Чечено-Ингушской АССР» [1, с. 159]. Далее, развивая тезис о требованиях ингушей вернуть им Пригородный район, Шнирельман, как и все ингушские исследователи, ни единым словом не обмолвился о том, что и советская Конституция РСФСР, и нынешняя Конституция Российской Федерации, и Конституция Северной Осетии предусматривают решение таких территориальных споров с обоюдного согласия, т.е. недостаточно одних требований ингушей. Нужно еще и желание многонациональной Северной Осетии, народ которой за 62 года вложил огромные материальные средства и людские усилия в развитие этого района. Другими словами, речь идет о необходимости конституционного решения данного вопроса. Это важнее, на мой взгляд, чем исторический аспект данной проблемы. Шнирельман отлично понимает это, но даже не упоминает этот «нюанс». Не озвучил он и другой важный аспект этого вопроса – передачу вновь созданной в 1957 г. Чечено-Ингушской АССР трех новых районов, ранее ей не принадлежавших, – Шелковского, Наурского и Каргалинского, которые по территории в несколько раз превышают Пригородный район. Автор монографии знает, что советское руководство эти три района в 1957 году передало под юрисдикцию ЧИАССР как своеобразную компенсацию за Пригородный район, оставшийся в составе Северной Осетии. Таким образом, Чечено-Ингушетия в момент своего восстановления в 1957 году экономически и территориально стала сильнее и намного больше, чем в 1944 году, когда чеченцев и ингушей сослали в республики Средней Азии. Кстати сказать, это единственный случай в истории депортации советских народов (всего было депортировано 13 народов), когда наказанный народ в результате реабилитации экономически и территориально оказывался в территориальном выигрыше. Од-

нако московский историк старательно обошел и этот аспект проблемы, о котором, наверное, не все читатели, особенно в Москве, Санкт-Петербурге и других далеких от Северного Кавказа городах знают. Здесь же следует особо подчеркнуть, что оргкомитет по восстановлению ЧИАССР в 1957 году, куда входили в основном чеченцы, ингуши и русские (осетин, конечно же, там не было), полностью одобрил и поддержал идею восстановления Чечено-Ингушской АССР в тех границах, в которых она существовала до своего добровольного распада в 1991 году. Обращаю внимание и на то, что ингушские лидеры после 1957 года на протяжении многих лет (до 1973 г.) не ставили вопрос о возвращении им Пригородного района. Однако, начиная с 1973 года ингушские лидеры все чаще и настойчивее стали требовать возвращения Пригородного района сначала под юрисдикцию Чечено-Ингушетии, а теперь в состав Республики Ингушетия. При этом сторонники немедленной передачи Пригородного района Ингушетии, к которым, судя по всему, примкнул теперь и Шнирельман, не учитывают многие объективные обстоятельства, которые за 62 года стали очевидной реальностью (например, положения Конституции РФ и РСО-А, демографическая ситуация в Северной Осетии, и в первую очередь в Пригородном районе, неоднократные вооруженные акции ингушских национал-экстремистов на территории Северной Осетии с их далеко идущими негативными последствиями и т.д.). Кроме того, следует обратить, как уже подчеркивалось выше, особое внимание на провокационную роль Шнирельмана в изложении современных осетино-ингушских отношений. Так, например, он пишет: «Лето 1991 года ознаменовалось всплеском взаимных упреков и обвинений (осетин и ингушей. – **В.Дз.**). Осетины доказывали, что ингуши по заслугам были в свое время высланы Сталиным, а ингуши обвиняли осетин в злоупотреблении сталинского режима» [1, с. 159]. При этом он, как всегда, ссылается на первоисточник – «Открытое письмо старейшинам ингушского народа», опубликованное 9 апреля 1993 года в газете «Северная Осетия» [1, с. 160]. Здесь, однако, Шнирельман передергивает факты. Во-первых, в первоисточнике, на который он ссылается, нет утверждений, что «ингуши по заслугам были сосланы в 1944 г.». Во-вторых, авторы «Открытого письма...» выражают лишь собственное мнение и не более. Почему же мнение нескольких осетин, которых к тому же никто не уполномочивал говорить от имени всего народа, преподносится Шнирельманом как позиция всего народа?

Проингушские настроения автора монографии видны любому объективному специалисту. Вероломное, беспрецедентное вооруженное нападение ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию 31 октября 1992 года с целью насильственного отторжения Пригородного рай-

она Северной Осетии и правобережной части Владикавказа, где «они видели» столицу Республики Ингушетия, Шнирельман называет скромно «открытым столкновением осетин с ингушами» [1, с. 160]. Между тем это был самый массовый, тщательно спланированный террор на территории постсоветской Российской Федерации, о чем должен знать и московский историк, специализирующийся на современных этнополитических проблемах Кавказа. В результате этой ингушской агрессии погибло с обеих сторон несколько сот человек. Кроме того, очень многие были ранены, а десятки – без вести пропали и до сих пор их не могут найти. Вооруженное нападение ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию было громадным потрясением для всей страны, но должных выводов федеральный центр и руководство Ингушетии, к сожалению, не сделали. Российское общество и после 1992 года пребывало в апатичном состоянии, надеясь, что осетино-ингушские отношения, как в целом проблемы этнополитики на Северном Кавказе, разрешатся сами собой. Федеральный центр в силу многих причин не в состоянии был понять, что для наведения элементарного конституционного порядка на Северном Кавказе недостаточно публичной демагогии, а необходимы огромные усилия государства для того, чтобы сплотить общество перед мощно надвигающимся терроризмом. Во многом по вине федерального центра на Северном Кавказе в 90-е годы XX века стали процветать политический и религиозный экстремизм, терроризм, сепаратизм и другие чрезвычайно опасные негативные явления, ставшие реальной угрозой для государственности Российской Федерации. Если бы вооруженной агрессии ингушских национал-экстремистов в октябре-ноябре 1992 г. была дана, как того требовала и продолжает требовать осетинская сторона, объективная политико-правовая и морально-этическая оценка руководством Российской Федерации, то, вполне возможно, удалось бы избежать хотя бы какую-то часть террористических актов, совершенных отъявленными бандитами на территории не только Северной Осетии. А как же к этому архиважному вопросу относится Шнирельман? «Существенно, что в нападении (на Северную Осетию. – **В.Дз.**) принимали участие в основном награновские ингуши, – утверждает он, – тогда как ингуши Пригородного района старались не вмешиваться и даже иной раз спасали своих соседей-осетин» [1, с. 160]. Далее он, осуждая осетин, подвергшихся чудовищному вооруженному нападению своих агрессивных соседей, пишет: «Тем не менее Пригородный район был полностью очищен войсками от ингушей. А 6 марта 1993 года Верховный Совет Северной Осетии по инициативе своего лидера А. Галазова, сославшегося на мнение общественности, принял расистское по своему духу постановление о «невозможности совместного проживания» осетин и ингу-

шей. Он же придал легитимность формуле об «ингушской агрессии» против миролюбивых осетин» [1, с. 160]. Все эти выводы Шнирельман делает, как всегда, со ссылками на других авторов, как бы снимая с себя ответственность за возможные ошибки и недоразумения. В конце введения своей предыдущей книги «Войны памяти...» (М., 2003, с.9) он подчеркивал: «Разумеется, за основное содержание книги, ее идеи и возможные недостатки несу ответственность только я один» [2, с. 9]. Надеюсь, он не будет уходить от ответственности и за недостатки, ошибки, передергивание общеизвестных фактов, которых так много в новой, красиво оформленной монографии «Быть аланами...», на обложке которой он поместил снимок пожилых мужчин «кавказской национальности», этническую принадлежность которых любой мало-мальски образованный специалист на Северном Кавказе точно определит и без подписи. Однако проблема не в этом, хотя в национальной политике и межнациональных отношениях, особенно на Северном Кавказе, «мелочей» нет. Здесь все нужно тщательно учитывать, взвешивать до педантизма. Ведь то, что для москвичей или петербуржцев является действительно мелочью, на Северном Кавказе не всегда оказывается таковой. Говорю об этом не с гордостью и не для того, чтобы выделить народы Северного Кавказа, а в порядке констатации общеизвестного факта, который иногда игнорируется «нейтральным» столичным исследователем. Только незнанием причин, характера, целей, особенностей и последствий вооруженного нападения ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию в 1992 году или явной ангажированностью автора можно объяснить то, что слова «ингушская агрессия» он берет в кавычки, т.е. на самом деле, если верить Шнирельману, не было в 1992 году никакой ингушской агрессии! Сколько же кощунства, цинизма и провокации в этих несчастных кавычках, которые оскорбляют чувства не только осетин, но и других народов, например русских, кабардинцев и т.д., чьи славные сыны стали жертвами вероломного нападения. Да и в постановлении Верховного Совета Северной Осетию, принятом после вооруженного нападения ингушских национал-экстремистов, в результате которого сотни людей погибли, а раненых и пострадавших оказалось еще больше, мало было «расистского духа». Совместное проживание осетин и ингушей, по крайней мере сразу после вооруженного нападения ингушей, чреват было возможными новыми, еще более масштабными трагическими последствиями. Обращаю особое внимание на то, что в то время у противоборствующих сторон оружия было достаточно, а обид друг на друга накопилось так много, что в Пригородном районе Северной Осетию, где до 1992 года компактно жили осетины и ингуши, любая ночь могла стать Варфоломеевской. И тогда бы власти республики не в состоянии были

навести конституционный порядок. Вот этого не учитывает Шнирельман, которому, в отличие от пострадавших в этом конфликте, легко в Москве рассуждать о «демократических институтах», «правах человека», «свободе и равноправии народов» и т.д. Удивительно при этом его молчание о необходимости соблюдения всеми гражданами страны, в том числе ингушами, Конституции Российской Федерации, об организаторах и вдохновителях вооруженной ингушской агрессии (только без кавычек!), о количестве бессмысленных и невинных жертв этой масштабной террористической акции, устроенной тогдашними лидерами Ингушетии и т.д. Все это подтверждает серьезные и обоснованные сомнения в объективности научного исследования Шнирельмана, который пишет: «По свидетельству западного журналиста, все эти идеи (направленные против ингушей в Северной Осетию. – **В.Дз.**) действительно разделялись многими осетинами в середине 1990-х годов. У ингушей же это постановление не вызывало никаких иных эмоций, кроме негодования» [1, с. 160]. Как видим, автору монографии для выяснения антиингушских настроений «у многих осетин» понадобилось мнение одного «западного журналиста». Если бы он сам приехал во Владикавказ и на месте проанализировал сложную этнополитическую ситуацию, которую старательно создавали тогдашние лидеры и идеологи Ингушетии, пообщался бы со многими пострадавшими от агрессии бандитов, тогда бы, вероятнее всего, ученый не был столь категоричным в своих рассуждениях и оценках. Мне вообще представляется малопродуктивным анализировать этнополитическую обстановку на Кавказе исключительно по публикациям, тем более в западной прессе. Исследователь, на мой взгляд, должен изнутри посмотреть на сложную, многогранную проблему, выявить детали, «скрытые пружины» проблемы, мельчайшие подробности, которые, как правило, опускаются во многих публикациях. Шнирельман часто пользуется такими работами, ссылается на них, повторяя ошибки и спорные версии местных и западных авторов. Иногда на фоне многих авторов, на которых он ссылается, просто не видно его собственного мнения и вывода. Однако явно ошибочные или спорные версии других авторов (в данном случае ингушских), на которых он ссылается и опирается в своей «штудии», автоматически становятся шнирельмановскими. За них придется ему краснеть и держать ответ. Иногда он уподобляется начинающему, наивному исследователю и удивляется, например, постановлению Верховного Совета Северной Осетию о «невозможности совместного проживания осетин и ингушей», которое, видите ли, у ингушей «не вызвало никаких иных эмоций, кроме негодования». Это и понятно. Было бы странно, если бы оно у ингушей вызвало одобрение. Или тем более восторги радости. На что же рассчитывали воору-

женные бандиты, когда они рано утром 31 октября 1992 г. организовано вторглись в пределы Северной Осетии и приступили к хладнокровному и спланированному уничтожению сотен людей, среди которых были дети, старики, больные и т.д.? Разве Шнирельман не знает о законном праве каждого народа, республики, государства на самооборону? Московскому историку не мешало бы лично узнать о «эмоциях и негодовании» осетин, на которых так вероломно и беспрецедентно напали их агрессивные вооруженные соседи. Лишь после этого логично было бы писать о том, что постановление Верховного Совета Северной Осетии... у ингушей «не вызвало никаких иных эмоций кроме негодования». В монографии Шнирельмана немало демагогических рассуждений, как и в данном случае. Ведь он по существу изображает сложные взаимоотношения осетин и ингушей в ложном свете. Напомню, что демагогия обычно сопровождается фальсификацией фактов, оформляется внешне правдоподобной, но по существу аккуратно подтасованной аргументацией. Кажущееся правдоподобие демагогической аргументации позволяет демагогу добиваться желательных результатов, что видно из содержания монографии Шнирельмана. Для чего нужно столь наивно удивляться решению Парламента Северной Осетии? Ведь депутаты парламента, принимавшие единодушно данный политический документ, исходили из суровой этнополитической и правовой реальности, которая сформировалась на территории республики в первую очередь благодаря сатанинским замыслам национал-экстремистов. В данном случае Шнирельман, недостаточно знающий реальную этнополитическую и правовую обстановку в республиках Северного Кавказа, глубинные причины современных натянутых отношений между отдельными народами, куда больше сочувствует агрессору, чем его жертве. Между тем ученые, политики, религиозные и общественные деятели Осетии никогда не замыслили что-либо против ингушей и чеченцев и поэтому не виноваты перед этими народами. Тем не менее, начиная с 1973 года, ряд ингушских историков, политиков, юристов, общественных деятелей охотно занимаются историческим мифотворчеством для того, чтобы, как они выражаются, «разоблачить осетин и Осетию», из которой им удалось создать «образ врага» ингушского народа. Мне лично много раз приходилось разоблачать исторические мифы, созданные такими авторами [4]. То они писали и продолжают писать, что «Сталин был осетином» и отсюда его отеческая забота об осетинах и Осетии. Ингушские «исследователи» неоднократно пытались доказать, что «в ведомстве Берия» служили «несколько генералов-осетин», которые помогали своему шефу выселить чеченцев и ингушей в «пользу осетин и Осетии». Затем у них появились «неопровержимые факты», свидетельствующие о том, что первый замести-

тель Л.П. Берия генерал-полковник Богдан Кобулов «тоже осетин по национальности», руководивший операцией под кодовым названием «Чечевиза», т.е. выселением в 1944 году чеченцев и ингушей, и конечно же, «в пользу осетин и Осетии». Таких фантастических версий много в современной историографии Северного Кавказа. Они неоднократно и аргументированно разоблачались в научной литературе и периодической печати. Однако главную проблему я вижу не в том, чтобы разоблачить каждый исторический миф, созданный ингушскими авторами, хотя это тоже очень важно. Необходимо, на мой взгляд, обратить особое внимание на коллективный «образ врага», старательно созданный из осетин ингушскими интеллектуалами и политиками. В силу различных объективных и субъективных причин массовый читатель Ингушетии лучше знаком со «штудиями» местных авторов, поэтому историю и своего, и соседних народов, в том числе трагедию выселения в 1944 году, узнает больше из сочинений своих авторов. А опровержения ошибочных версий, содержащихся в них, публикуются, как правило, в научных изданиях, выходящих за пределами Ингушетии. Они в силу различных причин (малый тираж, высокая стоимость книг и академических журналов, рассчитанных в основном, на узкий круг специалистов, и т.д.), как правило, недоступны массовому читателю. Имея такую одностороннюю информацию, в сознании массового читателя Ингушетии все больше крепнет «образ врага» из осетин и Осетии. И этому способствуют такие столичные историки, как Шнирельман, который вдоволь упражняется в создании исторических мифов и политических баек, иногда подкрепляемых даже мнением «осетинского шофера» [1, с. 182]. Когда доктор исторических наук, автор нескольких монографий подкрепляет свои научные выводы мнением «осетинского шофера», это всегда подкупает не только простотой и определенной наивностью, но и «глубиной» анализа. В конце концов у нас на Кавказе в истории «все разбираются», в том числе и шоферы, тем более, что на них иногда ссылаются в научных монографиях, выходящих не где-нибудь в провинции, а в Москве.

Анализ монографии Шнирельмана все больше убеждает в странной методике исследования автора. Так, например, он частенько ссылается на весьма сомнительные «первоисточники», включая мнение западных и отечественных журналистов, побывавших мимолетом где-нибудь на Кавказе, «осетинского шофера», бывшего милиционера В.П. Баскаева, «переквалифицировавшегося», уже будучи пенсионером, «в исследователя истории Осетии» и т.д. В то же время решения депутатов Парламента Северной Осетии, публикации на страницах республиканской газеты «Северная Осетия», версии многих уважаемых интеллектуалов подвергаются целенаправленной, ангажированной критике. Удиви-

тельно то, что осетинские интеллектуалы критикуются и тогда, когда нет достаточных для этого оснований. Создается обоснованное впечатление, что Шнирельман, не очень разбирающийся в тонкостях истории народов Северного Кавказа XX века, настойчиво поучает нас, периферийных специалистов, основам нашей истории, культуры, национальной политики и межнациональных отношений. Так, например, Северную Осетию он критикует за приверженность сталинизму, но зато выражает сочувствие Чечне и Ингушетии, где активная террористическая деятельность до сих пор не прекращается. Выше я уже отмечал странности в методологии исследования Шнирельмана. Так, например, сославшись на одного или двух осетинских авторов, он уже пишет о том, что «происходит в Осетии», что ей присуще, что она не приемлет и т.д. Надо ли доказывать, что для выяснения таких серьезных вопросов в масштабах всей Осетии, как и любой другой республики, недостаточно ссылки на мнение одного или двух даже авторитетных исследователей? Ведь Шнирельман не проводил в Осетии социологических опросов для того, чтобы прийти к однозначному выводу, будто «осетины в основном позитивно оценивают советскую национальную политику, и это приводит к популярности среди них конспирологической версии о злых внешних силах, разваливших Советский Союз и ныне управляющих миром. В этой своей позиции они смыкаются с русскими националистами» [1, с. 186]. При этом суть последнего предложения процитированного тезиса он подкрепляет мнением одного из западных специалистов, который Северный Кавказ знает не лучше, чем мы культуру американских индейцев племени сиу. Далее Шнирельман, анализируя причины различия исторического и политического опыта в XX в. у осетин, с одной стороны, и у чеченцев и ингушей – с другой, пишет: «Зато чеченцы и ингуши нередко представляют Чечено-Ингушскую АССР «колонией» и требуют суда над «советской империей» [1, с. 186]. Здесь опять возникают вопросы к Шнирельману, на которые у него нет ответов. Почему его раздражают осетинские авторы А.А. Магомедов, М.М. Мамсуров и В.Д. Кучиев, которые пишут с негодованием «о злых внешних силах», разваливших СССР? По утверждению Шнирельмана, «эти осетинские исследователи» смыкаются с «русскими националистами». Мне лично кажется, что они смыкаются с русскими патриотами. Жаль, что автор рецензируемой монографии не пояснил разницу между русским национализмом и русским патриотизмом. В данном контексте это имеет принципиальное значение.

Можно возразить чеченским и ингушским авторам, со ссылками на которых Шнирельман утверждает, что они «нередко представляют» свою республику «колонией» и требуют суда над «советской империей». К таким возражениям под-

талкивают не только их «штудии», где, на мой взгляд, преобладает субъективный фактор, но и неумное желание Шнирельмана слишком часто противопоставлять Осетию и Чечено-Ингушетию. При этом противопоставление проводится, по моему мнению, не только для выяснения исторической истины.

Свои возражения хочу начать с того, что, во-первых, ни одна колония не имела и не имеет статуса республики, а чеченцы и ингуши при советской власти имели свою республику. Во-вторых, хотелось бы знать, какая колония и где «благодаря» колонизаторам территориально расширилась, как Чечено-Ингушетия? Ей был передан г. Грозный в 1929 году. Партийно-советское руководство страны объединило Чеченскую автономную область, город Грозный (до этого он, как и Владикавказ, был самостоятельной административной единицей и, конечно же, не входил в состав Чеченской автономной области) и автономный Сунженский казачий округ. Объединение этих трех административно-территориальных единиц произошло в первой половине 1929 г. В 1933 г. к этим трем административным единицам присоединила еще Ингушскую автономную область, и образовалась объединенная Чечено-Ингушская автономная область, преобразованная затем по инициативе партийно-советского руководства в Чечено-Ингушскую АССР. Другими словами, чеченцы и ингуши получили реальный статус автономного государства в составе РСФСР. Сегодня часть исследователей истории народов Северного Кавказа XX в. прилагает большие усилия для того, чтобы обойти этот неопровержимый факт, исказить его, обезличить, обесценить и т.д. Эту часть исследователей пополнил и Шнирельман, который, мягко говоря, запутался в сложном вопросе развития и совершенствования советского национально-государственного строительства народов Кавказа.

К 1933 году территория Ингушетии заметно расширилась за счет казачьих земель, которые ей подарила советская власть. Если до 1917 года площадь Ингушетии составляла 204 932 га, то к 1933 году она уже имела 321 691 га, т.е. выросла на 36 %, о чем пишет и сам Шнирельман [1, с. 62].

Обращаю внимание на то, что такую заботу советской власти об ингушах и Ингушетии отмечал даже ярый антисоветчик, один из первых чеченских исследователей Абдурахман Авторханов [1, с. 62]. То же самое подчеркивал видный чеченский историк конца XX века доктор исторических наук, профессор Дж.Дж. Гакаев [1, с. 62]. Впрочем, факт этот достаточно известный в кругу специалистов по отечественной истории XX века, поэтому нет особой необходимости ссылаться на авторитетных исследователей. И наконец, в 1957 году, при восстановлении Чечено-Ингушской АССР, центральная советская власть, которую так ненавидят многие исследователи истории XX

века, подарила чеченцам и ингушам вместо Пригородного района, оставшегося в составе Северо-Осетинской АССР, три новых района – Шелковской, Наурской и Каргалинской, ранее входившие в состав Ставропольского края. Еще раз подчеркиваю, что эти три района, подаренные ЧИАССР, по территории в несколько раз превосходят Пригородный район Северной Осетии. Таковы факты истории, о которых некоторые исследователи не любят говорить. В то же время вайнахи, конечно же, многое потеряли в результате депортации. Это надо понимать и иметь в виду исследователям. Речь идет не только о больших материальных потерях, но и о морально-психологических, которые надолго оставили в памяти сосланных людей всевозможные «образы врагов», в том числе и мифические.

В-третьих, «в колониях», каковой представляются некоторые чеченские и ингушские интеллектуалы Чечено-Ингушскую АССР, как правило, не бывает государственных университетов, других высших учебных заведений, государственного телевидения и радио на родном языке, парламента, своего правительства и т.д. Все это, и к тому же большие ежегодные дотационные финансовые поступления из союзного бюджета в бюджет Чечено-Ингушской АССР, как и в бюджет других автономных республик, имело место. От этих фактов трудно отмахнуться. У англичан есть хорошая поговорка: «Когда говорят факты, сами боги молчат». Россия, конечно, не Англия. Поэтому у нас факты любят обходить или передергивать так, чтобы они хотя бы не очень заметно выглядели. Приведенные мною факты, я уверен, Шнирельман знает хорошо. Тем не менее он беспринципно соглашается с мнением тех исследователей, на которых, как всегда, делает ссылку. Среди них и генерал Джохар Дудаев, ставший президентом «независимой» Чеченской Республики – Ичкерия, ссылки на которого, конечно же, носят конъюнктурный характер. Разумеется, руководитель чеченских сепаратистов Дж. Дудаев, не являясь ученым-исследователем, был в своих оценках советской действительности далек от принципов объективности и научности. Если бы Чечено-Ингушская АССР была «колонией», а Советский Союз «империей», над которой кое-кто требует суда, то Дж. Дудаев, Р. Аушев и другие вайнахи не стали бы советскими генералами. Впрочем, я не защищаю советскую систему. Однако факты истории так бесцеремонно нельзя искажать. К чему, например, Шнирельману с издевкой писать о том, что «все бюсты и памятники Владикавказу, взятые на учет в 1996 году, являлись исключительно советским «наследием» [1, с. 168]. Из книги «Быть аланами...» явствует, что ее автора очень раздражает Осетия и ее интеллектуалы, часть которых, надо признать, достойна серьезной критики за мифотворчество. У Шнирельмана вызывают гнев и крайнее раздражение не только древний и средневековый периоды истории осетин-

ского народа, но и весь XX век, особенно советский период. Я бы, к примеру, хотел знать: где, в столицах каких республик Северного Кавказа (и не только!) бюсты и памятники не являются «исключительно советским наследием»? И что плохого в том, что памятники основоположнику осетинской литературы К.Л. Хетагурову, чекисту С.М. Штыбу, С.М. Кирову, или бюст дважды Героя Советского Союза, героя МНР, генерала армии И.А. Плиева являются «исключительно советским наследием»? Мы хорошо помним, когда в Грозном в 90-е годы XX в. чеченские сепаратисты попытались переименовать столицу республики, а также улицы, площади, учебные заведения, которые носили имена советских героев, патриотов, ученых, передовиков производства и т.д. Тогда никто из осетинских политиков и интеллектуалов не критиковал чеченских реформаторов, хотя всем было понятно происходящее и к чему это вело. В Республике Ингушетия тоже имеется немало «советского наследия». Много новых имен появилось у наших восточных соседей, которые увековечены в названиях улиц и площадей Ингушетии, столица которой носит название главного города средневековой Алании – Магас. Такие «общественно-политические метаморфозы» в среде ингушских политиков и интеллектуалов критикуются и в рецензируемой монографии Шнирельмана. Он подчеркивает, что многие ингушские исследователи конструируют «великое вайнахское прошлое» и понимают под «вайнахами» исключительно ингушей [1, с. 413]. Исследователь отмечает, что, «находясь в конфликте с осетинами, ингуши пытаются доказать, что до появления предков осетин в Осетии там обитали «древние ингуши». Радикальные ингушские ревизионисты доходят до того, что вовсе лишают осетин аланского наследия, приписывая его «вайнахам». Такие взгляды разделяются властями Ингушетии, символом чего стало название новой столицы республики Магас, напоминающее о главном городе Алании» [1, с. 413].

Мне, к примеру, не очень понятна причина нескрываемого раздражения Шнирельмана по поводу того, что 23 февраля 1994 г., т.е. в день 50-летия депортации чеченцев и ингушей, «официальная республиканская газета «Северная Осетия» не только вновь опубликовала данные НКВД о размахе бандитизма в Чечено-Ингушетии в годы Великой Отечественной войны (это действительно «большое преступление»! – В.Дз.), но и напомнила о выселении казаков в 1918-м и начале 1920-х годов. В этих публикациях ингуши были изображены патологическими разбойниками и грабителями, что вызвало у тех справедливое возмущение» [1, с. 161]. Здесь, как всегда, он ссылается на ингушского автора Я.С. Патиева, автора книги «Республике Ингушетия – 10 лет (1992–2002)». (Магас, 2002). Примечательно, что интеллектуалы репрессированных народов, особенно ингуши и чеченцы, всегда приходят в

негодование от одного упоминания о размахе бандитизма, повстанческого движения в тылу Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Говорить о том, что они не любят эту тему, значит ничего не сказать. Их историки очень не любят и тему выселения казаков в 1918–начале 1920-х годов из Горской АССР. Теперь их морально и интеллектуально поддержал Шнирельман, бросающий необоснованные упреки в адрес газеты «Северная Осетия», которая будто бы, публикуя данные НКВД о размахе бандитизма, оскорбляет чеченцев и ингушей. Но разве в демократическом обществе нельзя печатать архивные источники времен войны? Какие юридические законы и моральные нормы запрещают публиковать архивные документы, свидетельства очевидцев и участников событий 60-летней давности? Почему мнение чеченца А. Авторханова, известного историка и политолога, сбежавшего вместе с врагами Отечества в годы Великой Отечественной войны на Запад, считается для Шнирельмана истиной, о чем свидетельствуют многократные ссылки на его труды [1, с. 55, 62, 64, 66, 69, 70 и т. д.], а ссылки на данные НКВД у него вызывают гнев и крайнее раздражение? Эти закономерные вопросы требуют взвешенных ответов, которых, разумеется, в рецензируемой моногра-

фии нет. Мнение Я.С. Патиева, на которого ссылается Шнирельман, относительно того, что в газетной статье в «Северной Осетии» ингуши были «изображены патологическими разбойниками и грабителями», носит достаточно субъективный характер. Это всего лишь эмоциональный взгляд одного из ингушских интеллектуалов на сложную проблему. Не более. Газета «Северная Осетия» показала разбойниками и грабителями не всех ингушей, а только тех, кто действительно разбойничал и грабил. Вместо проверенных фактов Шнирельман, смещая акценты, снова напоминает читателям, что «в осетинских СМИ вновь ожила сталинская ложь об измене всего ингушского народа в годы Великой Отечественной войны» [1, с. 160]. Обращаю особое внимание на то, что ни один осетинский ученый-исследователь не писал «об измене всего ингушского народа в годы Великой Отечественной войны». Ученые Осетии писали о том, что бандповстанческое движение в годы войны в Чечено-Ингушетии имело большой размах и огромные негативные последствия во всем северокавказском регионе.

Уверен, что те ингушские ученые, настоящие исследователи, для которых историческая правда, какой бы жесткой она не была, важнее, меня поймут и поддержат.

Литература

1. Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политики на Северном Кавказе в XX веке. – М.: Новое литературное обозрение 2006. 697 с.
2. Шнирельман В.А. Войны памяти (Мифы, идентичность и политика в Закавказье). – М., 2003.
3. Правда, 1949, 12 ноября.
4. Дзидзоев В.Д. Ответственность печати в решении межнациональных проблем // Совершенствование межнациональных отношений в условиях перестройки (Сборник научных статей). – Владикавказ, 1992, с. 121–128; Его же. Августовские события 1918 года

во Владикавказе // Дарьял (Владикавказ), 1992, № 2, с. 238–256; Его же. Политике противопоставлена некомпетентность // Дарьял (Владикавказ), 1997, № 4, с. 146–171; Его же. Еще раз о решении территориальной проблемы (анализ осетино-ингушских отношений и перспективы выхода из межнационального кризиса) // Дарьял (Владикавказ), № 1, с. 96–118; Его же (в соавторстве). Роль средств массовой информации в создании образа врага // Вопросы политологии, истории и социологии (Сборник научных трудов). Выпуск № 2. Владикавказ, 1999, с. 80–94; и др.

